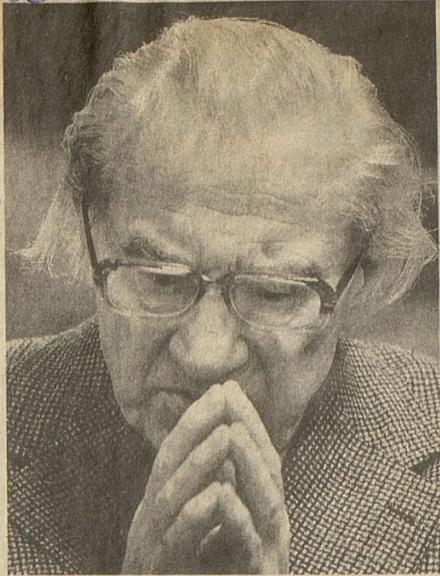

Приходя на спектакли Покровского, ты всегда сталкиваешься совершенно не с тем, что ожидал. Покровский ставит драму неожиданно, через парадокс заставляет услышать, увидеть, понять все иначе. Так произошло и на этот раз. Правда, мне предстояла встреча не с его спектаклем, а с ним самим. Договариваясь о беседе с Борисом Александровичем, я думала говорить с ним о Большом театре, о том, почему он, известный и почитаемый во всем мире режиссер, вернулся туда, откуда ему трижды приходилось уходить с поста главного режиссера, уходить не по своей воле. Покровский ответил на этот вопрос. Были у меня и другие вопросы. Но разговор как-то сам по себе зашел о жизни, о времени, о людях, о политике. Я не стала прерывать его монолог, который условно для себя назвала «монологом счастливого человека». Да, он ощущает себя счастливым. Он смотрит на жизнь с оптимизмом. И это тоже один из парадоксов Покровского. А может быть, в этом — одна из загадок его искусства, его творчества?

ПОЧЕМУ я вернулся в Большой театр? Это явление. В этом храме разные люди слушают. Я не мог отказаться. Если Большой театр говорит, что я там нужен, я обязан был прийти. Потому что лучшего храма, чем Большой театр, у меня нет. В раннем детстве я увлекался церковью. Служил в церкви до десяти или даже до десяти лет. Хорошо читал на древнеславянском, одевал стихарь, звонил в колокола. В это время уже играл «Мимолетности» Сергея Прокофьева. В десять лет был учеником Елены Фабиановны Гнесиной, на Собачьей Площадке. Отец мой был заведующим школой. Однажды ему сказали: «Вы заведующий школой, а ваш сын в церкви, его «святым» считают». Отец мне ничего не сказал. Он просто купил мне билет в Большой театр. Все! Больше в церковь я не ходил. «Большой театр — тот же храм души», — сказал мне на исповеди дедушка, Митрофанов протоиерей церкви Богородицы Божьей Матери, что у Варварских ворот. Вот какой я старый! Потом появился в семье абонемент в

кто-то возражает, пугает, кто-то кого-то в чем-то обвиняет, расстраивает раны. Мы растерялись, мы растворились в кипении котла. Искусство должно иметь чувство меры, быть отстраненным от быта для того, чтобы объективно оценить явления жизни. Мы влезем во все со своим субъективным взглядом и кидаемся в котел, кипим со всеми, тогда как искусство должно быть отстраненным от сей минуты, чувствовать сверх-сверх! задачу жизни.

Счастливым можно быть только тогда, когда вы получаете личное удовольствие от того, что вы сделали. Не сказали, а сделали. А в обществе должны быть такие законы, что если вы не сделали добро, а сделали зло, то вы осуждены. Иметь закон духа, который определяет остальные законы и который имеет право нарушить их букву во имя добра, во имя культуры, во имя отношения человека к человеку, во имя не формальной, а подлинной справедливости.

ИСКУССТВО как раз и должно этим заниматься, оно должно заниматься добром без берегов. Вы можете устраивать одну революцию, другую, третью, пятую, а Моцарт жив! А Пушкин

МОНОЛОГ СЧАСТЛИВОГО ЧЕЛОВЕКА

Большой театр. На четвертый ярус. Каждый раз восторг...

Как я теперь не поеду в Большой театр? Ведь он пригласил меня к себе из провинции. Я был ему нужен. Это мой театр, мой дом. Меня выгнали из него люди другой веры. Что же, из-за этого я буду противопоставлять себя своему храму? Вот меня попросили поставить «Орлеанскую деву», оперу одного из апостолов нашего духа — Чайковского. Я подумал: если не я, то кто? Имею ли я право отказаться? Как от этого отвернуться? Есть вещи, которые нельзя обсуждать. Нельзя противопоставить себя Московскому Кремлю, Успенскому собору, памятнику Петру I на Сенатской площади. Нельзя себя противопоставить Пушкину, Шалапину, Шекспиру.

Во Франции проходят семинары под знаком Станиславского. Отказаться проводить их из-за болезни нарушить летний отдых? Но я не буду проводить их, не учившая школы Шалапина. У Шалапина есть законы, их надо пропагандировать, их надо изучать. (В наших консерваториях этого не знают). Я встречаюсь с выпускниками ее, они ничего об этом не знают. Они готовы сами писать книжки, но не читать Шалапина. Наступило время гастролеров, так называемых «звезд». Вы знаете, что такое «звезда»? Это забота о том, чтобы было темное небо. Как только небо светлеет, звезды меркнут. Поэтому каждая «звезда» занимается тем, чтобы вокруг была темнота. «Звезда» в искусстве — это в большей мере продукт спекуляции, морального бизнеса. У каждого человека есть свой путь. Мне не по пути со многими «звездами». А им не по пути со мной. Но драки между нами надо избегать.

Почему люди несчастливы? Прежде всего потому, что они других обвиняют в своих несчастьях, усиленно ищут виноватых. А люди сами должны создавать свое счастье. Но, конечно, не искать его в деньгах и обжорстве. Я преподаю в ГИТИСе. В выходной день хожу туда (ученики-студенты звонят, вызывают: «Придите» — иду). Репетируем. Чувствую, что принес ли друг другу радость. Я счастлив, денег за это не беру.

Я организовал музыкальный Камерный театр, я — его художественный руководитель, но «зарплату» там не получаю. Если в этом театре буду зарабатывать, то потеряется для меня прелесть работы в нем, прелесть забот, тревог, надежд, признаний. Это перестанет быть моим «тайнством», станет службой, значит, не принесет мне радости, а только деньги.

Я только недавно понял, что такое талант. Я разговаривал со своим соседом-врачом и рассказывал ему, что очень боюсь крови, гноя. У меня это вызывает отвращение, меня мулит, мне нехорошо. А он получает удовольствие от того, что очищает рану от гноя, грязи и спасает организм человеческого от скверны, возвращает его к жизни. А это уже духовная сфера, сфера радости. То же самое делает человек искусства. Он тоже стремится очистить нравственную сущность человека, сделать его здоровым, а значит — счастливым. Это же самое делает любой труженник. Та, что возится с коровами, свиньями, баранами, лошадьми, которая в поту убирает скотный двор, равна балерине, которая целыми днями в поту, в волнениях добивается того, чтобы вечером танцевать «Жизель» и доставить духовное очищение зрителям. Это жертвенность! Труд — это жертвенность, а жертвенность приносит великое счастье человеку, это его естество. Мы часто идем против естества. Думаем, что человек может быть счастливым, если он будет богатым, более, чем другой, может быть счастливым, если хорошо устроился (лучше, чем другой), если хорошо поел (плотнее, чем другой). И на этот путь многие сегодня встают, это легкий, но ложный путь. Он не приведет к человеческому счастью, к

радости, он проложен в сфере зависти, эгоизма, недоброжелательности и вечного недовольства жизнью. Тяжелое! К счастью приводит труд таланта.

Мой отец (учитель), встречаясь во дворе с «дядей Васей» (дворник), снимал шляпу («дядя Вася» снимал картуз). Оба подавали друг другу руки и беседовали о погоде, воспитании детей и, конечно, о политике. Двор был чистый, а отец старался получить учить ребят, в том числе и сына «дяди Васи». Это — почитание друг друга трудом — я называю культурой.

Я, моя жена, мы оба пенсионеры. Она тоже работает, в консерватории. Более ста рублей — ни ни... Зато сколько радости от забот, волнений, расстройств и маленьких удач студентов. (Ох, этот вокал!). Это — жизнь, это — счастье. Я свободен. От всего. Зовут меня за рубеж. Хочу — поеду, не хочу — не поеду. Написать книгу? Хочу — напишу, хочу — нет. (Но, признаюсь, всегда хочу!). Мое благополучие не в том, что я все могу делать бесплатно. Просто я не зарабатываю, я наслаждаюсь работой. Чем больше я чувствую, что я нужен, тем больше удовольствия, радости я получаю. Иногда я бываю злой, противный, когда репетирую. Но лишите меня репетиции — я умру. Я не люблю свои спектакли, не хожу на них. Мне главное — репетировать. Словом, я свободен, счастливый художник, занятый сверх головы.

ВРЕМЯ сейчас бурное. Это известно. Но хочу сказать: время счастливое. Это не всем известно. Потомки будут нам завидовать. Благодушие не только скучно, но и бесперспективно. У нас сейчас такая сумятица мыслей, эмоций, что трудно распознать, что есть истинное добро, а что есть мерзость, сор, шлак, крикливая тулупость. Мне представляется киплящий котел, который бурлит и пена которого выплескивает много наносного, все, что можно назвать одним словом «скверна» человеческого существования. Ее накопилось много, так много, что кипение котла необходимо долгое. И ожоги, конечно, неминуемы. Но в этом процессе, я уверен, происходит оседание подлинного естества человеческого духа, его развитие, его становление. Эти драгоценности оседут и станут основой для развития будущей культуры, а значит, для развития будущей жизни. Мы, как в парной, очищаем поры, больно похлопывая по бокам венником. Только зачем при этом ругаться? Зачем злиться? Нравственность людей, не видящих радости, подозрительна. Мрак рождается только злобой!

Я убежден, что во время «кипения котла» мы находимся в глубоком заблуждении, политическом заблуждении. Я вижу умных людей, которые думают, что если у нас будет изобилие на прилавках, то поднимется нравственность. Об этом я читаю в газетах, в статьях умных экономистов. Навинно! Культура не связана с набитым желудком. Обжора никогда не сострадал соседю. Древние говорили: хочешь убить поэта — накорми его. Я не призываю к тому, чтобы мы все голодали. Я призываю к тому, чтобы мы не имели права считать, что на развитие науки, техники, культуры труда, медицины, земледелия, производства якобы влияет отсутствие чего-либо на наших прилавках. Напротив, в обществе зависти, зла и отчуждения, в обстановке бескультурья любое изобилие родит спекуляцию, как любой самый хороший закон будет заплеван и затоптан.

Человечество победило чахотку. Человечество победило холеру, чуму. Тогда природа послала нам СПИД — болезнь не только физическую, биологическую, медицинскую, но и нравственную, моральную. Я имею в виду не только легкомыслие и необузданность темпераментов. Я имею в виду и невежество, варварство, некультурные люди, когда этой болезнью могут заразить детей. В какой-то больнице заразили детей СПИДом. И все закры-

чали: «Безобразно, у нас нет одноразовых шприцев!» И кто-то будто бы в этом виноват. Я хочу знать, кто? Кто виноват, что у нас нет одноразовых шприцев? Я сейчас говорю о манере нашего мышления, о манере «кипящего котла». Мы все время хотим кого-то обвинить, мы все время с кого-то хотим спросить, мы все время кого-то порицаем, на кого-то хотим свалить вину. Но если взять сторазовый шприц и его прокипятить, то он абсолютно стерильн. Кто же эти люди, эти «медики», которым было лень прокипятить шприцы, которые проявили свою бесчестность? По отношению к кому? К детям, к больным. Нет культуры, нет почитания человека человеком, другой жизни. Организация этого почитания человека человеком и есть общественный строй. Все остальное должно служить этому. Была бы культура, не было бы проявлений нацизма в разной форме и упаковке, хамства и мерзкого безразличия.

Я понимаю, что со мной будут спорить, я не политик. Для меня вообще теперь размыты границы между политической и политиканством. Но я вижу в экономисте ученого, а не друга души. Он сочиняет законы, но сочиняет их не для духа, не для ребенка, матери, человека вообще. Наивно думать, что законы, которые он сочиняет, сделают общество счастливым. Это тоже заблуждение. Нам должен помочь закон, который заставит нас жить по законам. Это — нравственность, это — культура. Законов может быть очень много, а еще больше — людей, которые эти законы будут уничтожать, по своему пониманию, их нарушать. И сейчас нарушаются законы, и раньше нарушались, и будут нарушаться. Без высшего закона духа, духовного обязательства законы не могут работать, как не может зерно дать всходы, если посеять его на бетон или асфальт. Должна быть земля, земля разрыхленная, окультуриванная. Не химическим насилием, но верой. Закон, по которому мы хотим жить в обществе, должен создаваться в каждом из нас, в самом себе, в наших чувствах. В душе рождаются радость и душевный покой, хоть в буре окружающих необузданных страстей.

НРАВСТВЕННЫЙ закон не должен обсуждаться. Ему надо подчиняться. Изругать соседа, прошлое своей страны, поколения отцов многим «интеллигентам» кажется добродетелью. Скандал, сенсация, сведения о катастрофах, убийствах — «именины сердца» для выступающих по радио, телевидению, в газетах. Но только радость зовет к созиданию, мрачная ругань (в неизвестно чей адрес) разрушает. Любят иные размусоливать страдания Христа, но не замечают его Воскресения. А ведь оно, это Воскресение, получило зачатие в страданиях на кресте и духовных муках всей жизни Иисуса.

Сегодня — и это касается искусства, и не только искусства, но и политики, экономики — мы потеряли культуру. Сегодня происходит не бесконечный процесс осознания истинного естества, а быстрое, энергичное противопоставление ему своего мнения, своих прогнозов, своих вкусов. Причем обратите внимание: каждый говорит, думая, что он умнее другого. Это же признак глупости! Если меня критикуют поучая, я не хочу принимать эту критику, именно потому, что меня поучают. Как только я начинаю читать рецензию, которая меня поучает, я ее откладываю, ибо не вижу в ней простой культуры. Каждый обязан помогать другому осознать истину. Это разные глаголы. Человек может предложить. Для того, чтобы немедленно выслушать реакцию. Я присутствовал при полуофициальных переросках фразами двух больших политических деятелей. Очень разных — Сахарова и Горбачева. Их главная цель и интерес был в том, чтобы услышать, что скажет другой, спрово-

цировать, так сказать, другого на высказывание его мнения. Это есть обещание, без которого нет общества.

Сейчас все боится эмоций. Говорят, что на митинге эмоции, эмоции. А мне и это нравится! Это в общем-то театр. Массовые сцены. Я понимаю, что бывает чушь, глупость, но радуюсь, потому что вижу, как начинают возгораться эмоции взамен равнодушия. Это же содержимое кипящего котла. Его надо прокипятить.

ПОЧЕМУ я говорю, что сегодня для меня радостное время? Потому что оно естественно. С его суматохой, с его «борьбой», грандиозными ошибками, которые делаются всеми на каждом шагу и для всех поучительны.

Нас учили, и мы учились, что «вся наша жизнь есть борьба». И мы все время с кем-то боролись, кого-то били. В «Орлеанской деве» Чайковский рядом с энергичным стремлением к воинской славе ставит мудрую покорность. Мудрую! Классик учит нас ранее нам неведомому. Мудрая покорность побеждает бессмысленные конфликты и дарит человеку естественное счастье. Покорись естеству — обществу, природному, своей натуре. Чайковский предстает великим философом. А будучи классиком, он выступает как современник. Он написал пьесу-мистерию, которую современный писатель должен был написать. Он неожиданно дает урок существования жизни человека в обществе, развития естества.

Нас воспитывали, да и мы сами так воспитывали — в понимании того, что наше искусство должно отражать жизнь, что искусство должно быть зеркалом, искусство должно быть трибуной, увеличительным стеклом. Конечно, трибуна — вещь нужная, полезная. Но упаси Бог искусству ползти на трибуну, потому что человек, который стоит на трибуне, почти всегда поучает, он начинает сталкивать факты, конфликтовать.

Я считаю примером великого искусства советские песни военных лет. Обратите внимание: нет ни одной популярной песни, которая была бы боевой. Они все лирические, душевные, сентиментальные, располагающие к добру. Именно это нужно было людям, которые стреляли, уничтожали врага, бежали, завоевывали позиции, шли умирать, спасать других, разрушали города...

Во время войны я работал в Горьком. Я был худруком театра оперы и балета. Мы ставили героические, патристические оперы и очень хорошо ставили. Но публика к нам не ходила. Когда я пришел на призывной пункт, меня оттуда вытащили с наполовину оборотной головой в штаб армии. И попросили экстренно поставить самые веселые и «пошлые» оперетки. Я тут же поставил «Сильву», «Холопку». И публика повалила. Приходили военные. Купить билет на «Сильву» имел право только тот, кто представит справку, что он завтра идет на фронт. Мы играли так, будто бы живем в нэпе. Зрители выходили счастливые. Как нужна была «Сильва» для того, чтобы изгнать под Москвой фашистов! Это важный парадокс взаимоотношений искусства и жизни. И вот сейчас, когда буря, когда кипит котел и выплескивает глупости, невежество и злобу друг на друга, когда все бурлит, нужен... «Ноктюрн» Шопена... Моцарт, Чайковский, Прокофьев... Мне кажется, что опера, благодаря своей консервативности, сохранила в себе то, что нужно для нашей эпохи. Она оказалась как бы поверх всего. Бури, страсти, оскорбления, а она себе — «Евгения Онегина» или «Травиату». Есть вышший закон, которому мы должны помогать существовать. Это призывы к радости духа.

Сейчас в моде рок-музыка. Она выражает кипение котла. И это пройдет. Поэтому это, с моей точки зрения, не великое, не настоящее искусство. Оно отражает сегодняшнее кипение. Кто-то кричит, кто-то хочет быть уродом,